

УДК 929(47+57)
ББК 63.3(2)6-8
К79

Кредов, Сергей Александрович.
К79 Феликс Дзержинский. Вся правда о первом чекисте / Сергей
Кредов. – Москва : Алгоритм, 2016. – 320 с. – (Гроссмейстеры тай-
ной войны).

ISBN 978-5-906817-89-1

В августе 1991 года на Лубянке демонтировали памятник Феликсу Дзержинскому. Это событие ознаменовало завершение советской эпохи...

Суровый человек в шинели в переломное время оказался живее всех живых – по нему был нанесен первый идеологический удар. Имена учинивших расправу над Гулливером лилипутов либо оставили по себе недобрую память, либо ушли в небытие, чего не скажешь о Феликсе Дзержинском! Этот человек оставил глубокий след в истории, выступая в разных качествах: мужественный революционер-романтик, прошедший долгие годы в заключении, создатель главной спецслужбы страны, «первый чекист», участвовавший в разработке и проведении сложнейших операций разведки и контрразведки. Кроме того, Феликс Эдмундович боролся с беспризорностью, восстанавливал транспорт, наконец, руководил всей промышленностью страны.

Автор книги Сергей Кредов, опираясь на материалы и сведения, накопленные за истекшие сто лет, исчерпывающе отвечает на вопросы: кем был Феликс Эдмундович Дзержинский и что он сделал как «первый чекист» и на других государственных постах?

УДК 929(47+57)
ББК 63.3(2)6-8

ISBN 978-5-906817-89-1

© Кредов С.А.
© ООО «ТД Алгоритм», 2016

СОДЕРЖАНИЕ

I. НЕИСПРАВИМЫЙ

Портрет без сходства	8
Счастливый?	11
Гимназические страдания	17
Рождение революционера	21
Утраты	27
Расплата за идеалы	29
Неисправимый	36
Первый побег	41
Поднявшие меч террора	46
В Сибирь, ненадолго	59
Ничто человеческое...	66
Идеальный товарищ	72
Предательство	77
Каторжанин	81
Что дальше?	91
Ленин как неизбежность	94

II. НА ПЕРЕДОВОЙ

Слово товарищу Маузеру	98
Дни, потрясшие мир	101
Совнарком становится юридическим лицом	104
Еще одна комиссия?	113
Музыка революции	116

За полгода до красного террора	119
Московский поезд	123
Пермский Ильич	130
«Власть Советов крепка, продовольствия нет»	137
А как надо было?	144
«В нем было чувство человечье»	149
Произвол без власти	152
Восстание авантюристов	157
Накануне	165
А теперь — красный террор	171
Дуэль	181
Палачи и жертвы	186
Отпуск от террора	192
О реквизиции вещей Гольдфе	198
Большевики против большевиков	202
«...И пот с них капал градом»	211
Сколько же было терроров?	217
Осень девятнадцатого	228
Прощание с Польшей	232

III. ПОСЛЕДНИЙ БОЙ

Временное просветление	240
Превентивное милосердие	244
Союз чекистов и специалистов	249
Хлебом единым	254
Путевка в жизнь	260
Недооцененный руководитель	264
...А паразиты — никогда!	272
О либеральной канители	279
Последний бой	282
Живой	288

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О ФЕЛИКСЕ ДЗЕРЖИНСКОМ

Лев Троцкий, 1929 год	293
Владимир Орлов, 1932 год	294
Борис Бажанов, 1980 год	296
Сергей Мельгунов, 1923 год	299
Николай Валентинов (Вольский), 1956 год	303
Основные даты жизни и деятельности	
Ф. Э. Дзержинского	312
Краткая библиография	318

I. НЕИСПРАВИМЫЙ

Портрет без сходства

7 декабря 1917 года Феликс Дзержинский, только что получивший важное назначение, стал одним из главных действующих лиц русской революции. Вскоре о нем узнает весь мир.

А днем раньше состоялся разговор, который его участник, первый управляющий делами Совета народных комиссаров Владимир Бонч-Бруевич, описал так...

Бонч докладывал председателю Совнаркома Ленину о положении в Петрограде. Из сообщения вытекало, что враги большевиков не собираются складывать оружие. Вождь Октября взволнованно поднялся из-за стола, прошелся по кабинету. И воскликнул:

— Неужели у нас не найдется своего Фукье-Тенвиля, чтобы обуздать контрреволюцию?!

Такой человек в партии нашелся. Ему поручили создать орган по борьбе с контрреволюцией, знаменитую впоследствии Всероссийскую чрезвычайную комиссию.

«Красный Фукье-Тенвиль явился!» — торжественно заявил Бонч-Бруевич.

«Красный Фукье-Тенвиль явился!» — охотно подхватил первый белогвардейский биограф председателя ВЧК Роман Гуль, вложив в них свой смысл: Дзержинского назначили организатором массового кровавого террора. А как еще можно понять восклицание Ленина?

Предложить яркое сравнение с известным персонажем — значит дать почти готовый портрет героя. Такова сила исторических ассоциаций. Имя произнесено: Фукье-

Тенвиль... В книгах и статьях о Феликсе Дзержинском оно будет встречаться очень часто.

Вот только произносил ли Ленин слова, которые привел в своих воспоминаниях Бонч-Бруевич?

Что известно об упомянутом деятеле Французской революции?

Антуан Кантен Фукье де Тенвиль в 1793–1794 годах являлся общественным обвинителем (фактическим руководителем) парижского революционного трибунала. Он отправлял на гильотину «врагов народа». Милосердие не было ему ведомо. Чтобы хоть как-то ограничить его рвение, Конвент принял решение не казнить в день больше 60 человек. Де Тенвиль исступленно трудился в своей должности 14 месяцев. Он предлагал для устрашения обвиняемых в зале судилища поставить гильотину, но даже якобинцам эта мера показалась чрезмерной. Революционный фанатик? Скорее — чиновник террора, бездушное приложение к изобретению доктора Гильотена. И, по-видимому, большой прохвост. До 1789 года будущий поборник свободы, равенства и братства вел вполне буржуазную жизнь. Должность прокурора он себе *купил*, как тогда было принято. Очень не вовремя для себя, перед революцией, сочинил и опубликовал хвалебную оду в честь Людовика XVI, где высказывал к нему любовь, «равную его благодеяниям». Это не помешало ему впоследствии добиться казни вдовы и сестры короля. Обвинитель трибунала, отправлявший на плаху врагов Робеспьера, в конце концов проводил на смерть и самого Робеспьера, но спастись не сумел.

Даже поверхностное знакомство с биографиями Фукье-Тенвиля и Феликса Дзержинского убеждает нас, что речь идет о разных людях.

И обратим внимание: Фукье-Тенвиль пытался бежать с тонущего якобинского корабля. Он оказался еще и предателем. А Ленин досконально знал историю Французской

революции... Можно предположить, что вождь, заслушав доклад Бонча, воскликнул: «Неужели у нас не найдется пролетарского якобинца?». Такие слова от него действительно не раз слышали. «Якобинец» — человек решительный, но не обязательно кровожадный. Вольность мемуариста (он описывал сцену в ленинском кабинете десять лет спустя) привела к определенному искажению исторического фона.

Вернемся в дни, когда в красном Петрограде создавалась Всероссийская чрезвычайная комиссия. В ее задачи входила борьба с «контрреволюцией», вот только с какой? Со «скрытой», как тогда выражались: саботажем чиновничества (сложным явлением, которое сейчас не время расшифровывать), виновными погромами, уголовщиной, закрытием предприятий собственниками, продовольственным кризисом. Явная контрреволюция в декабре 1917-го не казалась столь же опасной. ВЧК при ее создании наделили правом назначать только административные меры наказания, такие как конфискация, выдворение, лишение продуктовых карточек, опубликование списков врагов народа в печати. На практике даже злостных контрреволюционеров поначалу отпускали, взяв слово не воевать с новой властью.

Не только в момент назначения, но и значительно позже Дзержинский не считал, что его роль в ВЧК — проводить массовый террор. В марте следующего года он выпустил служебную инструкцию, больше напоминающую проповедь ненасилия:

«Вторжение вооруженных людей на частную квартиру и лишение свободы повинных людей есть зло, к которому в настоящее время еще необходимо прибегать. Но всегда нужно помнить, что это зло. Пусть все те, кому поручено лишать людей свободы, будут с ними гораздо вежливее, чем даже с близким человеком, помня, что лишенный свободы не может защищаться и что он в нашей власти».

Конечно, так будет не всегда. Времена изменятся.

Пока же отметим: Феликса Дзержинского в декабре 1917-го приглашали не на роль «красного Фукье-Тенвиля». Тогда еще верили, что без гильотин можно обойтись.

Счастливый?

Дзержинские — все — умели хранить семейные тайны. Одна из них связана с судьбой любимой сестры маленького Феликса, Ванды. Известно, что девочка погибла. Обстоятельства этого происшествия родственники постарались вычеркнуть из памяти. Даже намек на случившееся нет в их переписке. Этот факт впоследствии вызовут разные толкования.

...Родовое поместье Дзержинских расположено на территории нынешней Белоруссии возле городского поселка Ивенец, примерно в пятидесяти километрах к западу от Минска, на землях, входивших до начала XX века в состав Виленской губернии Российской империи.

В историю Феликс Дзержинский вошел деятелем русской революции польского происхождения. Он считал себя поляком. Оспаривать тут нечего.

Но все же отметим особенность тех мест, где жили поколения Дзержинских. Это своеобразный «перекресток» трех государств: Польши, Белоруссии и Литвы. Коренных жителей не всегда относят к этническим полякам. Часто это вопрос самоопределения и того, какой народ в данный исторический момент готов признать их «своими». Уникальный случай имел место в советское время. Под Вильно родились братья Ивановские. Все они стали известными революционерами, но в разных странах. В Белоруссии почитали «белоруса» Ивановского, в Польше — «поляка» с той же фамилией, а в Литве — «литовца» Иванаускаса.

Происходили Дзержинские из литвинских шляхтичей. Их далекий предок Николай Дзержинский в 1554–1561 годах в рядах польского войска участвовал в войне с русскими. За ратные заслуги он получил чин ротмистра и возможность в 1663 году приобрести имение с десятью крестьянскими дворами — будущее Дзержиново. К моменту рождения Феликса его семья владела земельным наделом площадью около 100 гектаров, в основном не пригодным для земледелия. Лишь десятая его часть могла быть отдана под пашню и приносить скромный доход.

Мужчины в роду Дзержинских часто становились педагогами, учеными (среди потомков Феликса Эдмундовича также немало людей науки).

В России начиная с середины XIX века работало много выходцев из Польши. В центральных городах империи они не испытывали притеснений — были бы лояльны. Образованные русские относились к ним, как правило, очень сочувственно, считая их жертвами самодержавия. Однако патриотами России поляки не становились. Возвращаясь домой, они продолжали мечтать о свободной Польше и воспитывали в том же духе своих детей.

Дед Феликса по матери — Игнатий Янушевский — долгое время был профессором Петербургского железнодорожного института. (Мог ли профессор Янушевский предполагать, что его внук станет со временем «министром» путей сообщения, правда, уже иной страны?!)

Эдмунд Иосифович и Елена Игнатьевна Дзержинские также долго жили в России. Отец Феликса (при крещении он получил имя Эдмунд Руфин) окончил Санкт-Петербургский университет. В 1865 году он перебрался вместе с семьей в Таганрог, где преподавал математику и физику в мужской и женской гимназиях. Среди его учеников был Антон Чехов! Вот, пожалуй, и все, что можно узнать об обстоятельствах жизни Дзержинских на юге России.

В 1875 году глава семьи заболевает туберкулезом. Дзержинские возвращаются в родное имение. Отныне они живут трудно, фактически на пенсию пана Эдмунда. Сущие крохи приносит им сдача в аренду земли. А семья все растет — восьмого ребенка, мальчика, родила пани Хелена за год и три месяца до смерти своего мужа. Они ютятся в маленьком домике на берегу реки Усы. В 1880 году Эдмунд Дзержинский сумел построить более просторный дом. Именно это сооружение видно на сохранившихся фотографиях того времени. По снимкам оно и восстанавливалось, и теперь служит музеем: имение выгорело дотла в 1944 году.

Пан Эдмунд снискал среди земляков репутацию человека справедливого и бескорыстного. Его дочь Ядвига вспоминала: «Отец, подготавливая нас в гимназию, вместе с нами бесплатно учил детей арендатора и детей из соседней деревни». Однако местным крестьянам запрещалось собирать грибы в дворянских угодьях. Дзержинский позднее с осуждением отмечал этот факт.

Феликс Дзержинский родился 11 сентября (по новому стилю) 1877 года. Отметим удивительное совпадение, которому при желании можно придать мистический смысл. Через много лет дата «9.11» станет символом катастрофы могущественной империалистической державы. День рождения Дзержинского, одного из наиболее известных в России и мире «могильщиков капитализма», — тоже «9.11».

До потрясений в Российской империи пока далеко.

Феликс — шестой ребенок в семье. Его появлению на свет предшествовал несчастный случай: беременная пани Хелена упала в открытый погреб. Тем же вечером у нее начались родовые схватки. Мальчик родился здоровым. При крещении, согласно католической традиции, ему дали два имени: Феликс Щасны, оба означают «счастливый» соответственно по-латински и по-польски.

Феликс растет резвым ребенком. В возрасте лет семи, желая не отставать от старших братьев, гоняет верхом на неоседланных лошадях, стараясь не попасться на глаза матери. Дети гурьбой ходят в лес за грибами и ягодами. Летом мальчик подолгу пропадает у реки. Он возвращается оттуда с большим уловом раков. К ужину вареных раков подают на стол. Феликс сияет от гордости. Альдона Эдмундовна отметит в своих воспоминаниях, что ее младший брат никогда не совершал жестоких или грубых поступков.

Дзержинские — бедная дворянская семья. Они живут на отшибе, в лесу. До ближайшего села — четыре километра, до железнодорожной станции — 50 километров. Сотни подобных бедных усадеб прячутся в лесах. Образ жизни накладывает отпечаток на характеры их обитателей. К их национальным чертам относят мужество, гордость, терпение, умение за себя постоять, но и — упрямство, пресловутый «гонор», беспощадность по отношению к врагам. Первые в жизни сведения они получают из преданий, передаваемых из поколения в поколение. Что есть зло? Несправедливость? Незаживающие раны поляков связаны с событиями начала 1860-х годов, преследованиями униатов, жестокостями усмирителя восстаний графа Муравьева (в самой России прозванного «вешателем»).

В 1922 году Дзержинский бросит фразу, которую его недоброжелатели хорошо запомнят: «Еще мальчиком я мечтал о шапке-невидимке и уничтожении всех москалей». Ага! Вот какое чувство вело его по жизни: месть! Не стоит из случайных замечаний делать широкие обобщения. Думается, москали тогда для мальчика были кем-то вроде инопланетян. «Антимоскальство» Феликс в себе, по-видимому, быстро изжил. Он станет интернационалистом и даже противником отделения Польши от России. Но в таких домашних разговорах крепло в нем желание бороться с несправедливостью.

Насохранившихся семейных фотографиях Дзержинские серьезные, озабочены, напряжены. Люди целеустремленные, гордые, дружные. Наверное, в их доме редко раздавался беззаботный смех. Дворянство покоренной страны. А Феликс — еще и нервный, задиристый, лезет на рожон. Его братья и сестры остались далеки от революции, их свободолюбие, способности проявились в другом.

Казимир Эдмундович (1875–1943) выучился на инженера в Германии, откуда вернулся с женой Люцией; в 1930-х они поселились в Дзержинове. Во время гитлеровской оккупации Люция работала в немецкой комендатуре переводчицей, сотрудничала с польскими партизанами. Ее разоблачили и вместе с Казимиром расстреляли.

Владислав (1881–1942) окончил МГУ, стал известным неврологом, профессором. Война застала его в Лодзи. Арестован немцами в качестве заложника (по некоторым данным, после того как отказался с ними сотрудничать), расстрелян.

Станислав (1872–1917) убит бандитами в Дзержинове.

Альдона (1870–1966), любимая сестра Феликса и главный адресат его исповедальных писем, жила в Литве, затем в Польше.

Относительно безмятежно сложилась судьба Игнатия (1879–1956): окончив физико-математический факультет МГУ в 1903 году, он преподавал географию в Варшаве, затем перебрался в польскую провинцию, что спасло его от гитлеровцев.

Из всех братьев и сестер Феликса Дзержинского только Ядвига (1871–1949) находилась рядом с ним в Москве; она работала в наркомате путей сообщения, похоронена на Новодевичьем кладбище.

В 1882 году в возрасте 42 лет от туберкулеза умирает Эдмунд Иосифович. У Елены Игнатьевны восемь детей на руках, от 12 лет и младше. Она со своим семейст-

вом вынуждена перебраться в Иоды — родовое имение Янушевских под Вильно, к матери. Многие сохранившиеся фотографии Дзержинских сделаны именно в Иодах. Мать с тремя сыновьями-гимназистами на крыльце. Также на крыльце — все большое семейство Дзержинских. Летние месяцы пани Хелена с детьми проводила в родовом гнезде. С ним у Феликса связано представление о безмятежном счастье. Он так утверждал.

Не во всем можно ему верить.

Дзержинский напишет сестре Альдоне из заключения: «Во сне я часто вижу дом наш, и сосны наши, и горки белого песку, и канавы, и всё, всё, до мельчайших подробностей...» Ему слышались кваканье лягушек и клекот аистов, «прекрасная музыка природы по вечерам».

Замурованный в застенке, физически страдающий, тяжело больной человек... Воспоминания уносят его в счастливую пору детства. Он уверяет, что мечтает побывать в Дзержинове. Но, освобождаясь из мест заключения, вовсе сюда не стремится! После 1892 года Феликс не появлялся в имении вплоть до июля 1917-го. Словно что-то мешало ему туда возвращаться.

У пана Эдмунда и пани Хелены было восемь детей. Больше или меньше известно о судьбах семи из них. И почти ничего — о любимой сестре маленького Феликса, Ванде, 1876 года рождения. Брат и сестра были неразлучны. Девочка ходила за Феликсом хвостом и во всем его слушалась, пишет Альдона. И вдруг... Любые упоминания о Ванде в переписке родственников пропадают. И фотографий ее не сохранилось.

Девочка, скорее всего, трагически погибла. В каком году — неизвестно. Едва ли позже 1892-го.

Экзотическую версию смерти Ванды излагает белогвардейский контрразведчик Владимир Орлов в мемуарах, изданных впервые в Лондоне в 1932 году. К сожалению,

источник не очень достоверный. Орлов в книге допустил немало очевидных ошибок. В данном случае он сообщает о Дзержинском: «Когда ему исполнилось восемнадцать лет, он так страстно влюбился в свою сестру, что застрелил ее после ужасной сцены ревности».

Так — точно не было. Хотя Орлов до революции работал следователем контрразведки в Польше и что-то подобное мог слышать в своем кругу. В некоторых источниках можно прочесть, что невольным убийцей Ванды стал кто-то из ее братьев, вероятнее всего Станислав (но и с Феликса подозрение не снято). Юноши якобы стреляли из дробовика по мишени, а девочка случайно оказалась на линии огня. Но — ни единого указания, откуда взяты эти сведения. Следствия по случаю смерти Ванды не проводилось. Истина едва ли когда-нибудь вскроется.

Гибель любимой сестры не могла не потрясти юного Феликса, в то время ревностного католика. Погибло невинное любимое существо. Как мог Бог, если он существует, допустить такую несправедливость? Подобные рассуждения в духе Ивана Карамазова зачастую приводят людей с сильным религиозным чувством к разочарованию в Боге небесном и поиску более справедливых земных богов.

Гимназические страдания

В возрасте семи лет, уже умея читать и писать по-польски, Феликс принимается осваивать русский язык. Сестра Альдона готовит его к поступлению в гимназию. У него хорошая память, способности к математике — это от отца. С русским намного хуже. Язык метрополии в Королевстве Польском — официальный. Во многих учреждениях висят таблички: «Говорить по-польски строго воспрещается».

Осенью 1887-го Альдона везет брата в Вильно. Он успешно сдает вступительные экзамены в первую Виленскую гимназию. Отныне Феликс живет в губернском городе: сначала на квартире с матерью, а затем в частном пансионе при учебном заведении.

В первом классе Феликс остается на второй год. Подвел, конечно, русский язык. Но не следует на этом основании записывать юного Дзержинского в митрофанушки. Дореволюционная классическая гимназия — особенное заведение. Ее выпускники имели право без экзаменов продолжить обучение в любом российском университете. Считалось вполне нормальным, если треть или четверть класса останется на второй год. Русский язык относился к числу наиболее трудных дисциплин. Оцените требования: ученик четвертого класса должен был знать наизусть больше ста стихотворений и басен.

Дальше дела пошли несколько лучше. Так, в ведомости по окончании 5-го класса видим отличную оценку по Закону Божьему, остальные — «хорошо» и «удовлетворительно». По выходе из гимназии Дзержинский получил свидетельство со следующей записью: «Дзержинский Феликс, имеющий от роду 18 лет, сын дворянина, в исповедании римско-католическом... в бытность свою по VIII класс Виленской гимназии поведения был отличного и оказал при удовлетворительном внимании, удовлетворительных успехах, удовлетворительном прилежании следующие успехи в науке...» К тому времени Феликс уже определится со своим революционным будущим. Он уйдет из гимназии со скандалом, не получив аттестата. Отсюда и оценки: «хорошо» — только по Закону Божьему, «неудовлетворительно» — по русскому и греческому языкам.

О дореволюционной системе классического образования в наши дни отзываются с пиететом. Современники же подвергали ее суровому суду. Чехов в рассказе «Человек в футляре» сравнивает гимназию с управой благочиния,